

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С83

Серия «Самая страшная книга. Дом чудовищ»

Серийное оформление: *Ева Эллер*
Иллюстрация на обложке: *Ева Эллер*

Автор идеи: *Прокопович А. А.*

С83 **Страшная общага:** сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 349, [1] с.— (Самая страшная книга. Дом чудовищ).

ISBN 978-5-17-118596-1

Возможно, и вы попадете сюда. Кто-то о вас скажет: «Видел у Страшной общаги». Скорее всего, это будет ваше последнее воспоминание, если только вы не один из ее жителей.

Детский сад для мертвых, фотограф смерти, ожившие статуи ангелов, говорящая голова мертвой девушки, мавка-убийца — всё в этом здании, одиноко стоящем на пустыре чуть в стороне от центра большого города. Что таится в Страшной общаге, какие тайны скрывает ее комендант, для кого она становится домом, а кто, однажды войдя, уже не найдет пути обратно?

Страшная общага. Здесь живут чудовища.

© Авторы, текст, 2019
© А. А. Прокопович, составление, 2019
© Е. Эллер, иллюстрация на обложке, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Александр Прокопович
СТРАШНАЯ ОБЩАГА

ПРОЛОГ

Никаких белых стен, никакого — «светло и стерильно». Рыжие стены, липкий пол. Холодно.

— Забавно.

Петровский перекрывал вход в палату и с расстояния, не оставляющего надежду что-то толком рассмотреть, наблюдал за тремя телами. С опаской. Сейчас придут в себя и займутся чем-то непотребным.

Младший следователь Дарья Рыжикова пыталась заглянуть за плечо Василию Петровскому. Вероятно, если бы она подпрыгнула, ей бы удалось. В конце концов, Петровский был не так и высок — всего то 189 см. Просто Дарья недотягивала до 150. У нее были идеальный вес и рост для незаметности. Особенно на фоне Петровского.

— Вы не подойдете?

— Чтобы что?

Василий Петровский брезговал. То, что он дошел до дверей, — уже было подвигом. Станным образом его брезгливость улетучивалась, стоило ему оказаться на месте преступления.

— Ты понимаешь, что они все похожи? Как из одного инкубатора! — К концу фразы Петровский ушел в фальцет.

Похожими следователю казались тела двух мужчин и женщины возрастом от 18 до 45. Объединяла их разве что принадлежность к расе «бледнолицых» и гражданство, что было не странно.

Василий Петровский вышел из реанимации. Чтобы ему это удалось, младшему следователю Дарье Рыжиковой пришлось пятиться до развилки в коридоре и уже там вжиматься в стену, чтобы все сто с лишним килограммов живого веса Петровского величественно проплыли мимо.

Хлюпик студент, менеджер с явными признаками ежедневного спортзала и учительница... немодельных данных.

Даша помнила досье на каждого... кажется, у менеджера и учительницы были кредитки одного банка с совершенно разным балансом. Жили в разных районах, ели и пили разное, как-то зарабатывали и в один день впали в кому. Без намека на адекватный анамнез.

Она точно знала только одно место, где они пересеклись. В этой палате.

Кажется, Петровский напевал. Что-то безнадежно мимо нот. Больница осталась позади, и, вероятно, это радовало следователя.

— Василий Николаевич, чем они похожи? — Даша догнала Петровского, так и не найдя у коматозников ничего общего.— Их всех отравили, наверное?

— Отравили? — Разворот объемного тела Петровского вызвал небольшой порыв ветра.— Даша, судя по анализам, они все абсолютно чисты.— Василий сощурил глаза, будто увидел что-то в направлении реанимации, и добавил: — Совершенно здоровые коматозники. Трое в один день. Это странно. Но гораздо интереснее, причем это интереснее всегда,— деньги.

Каждый из этих троих жил значительно лучше и богаче, чем мог бы.

— Богатый студент?

— Ага. У него одни кроссовки стоят больше твоей зарплаты. А учительница... Она могла бы финансировать школу сезонными распродажами своих платьев.

Василий Петрович раскрывался с неожиданной стороны. Дарья невольно скользнула взглядом по своему отражению в стекле больничных дверей — а стоимость ее гардероба он уже тоже вычислил?

Глава первая

ЧТОБ ВЫ ПРОВАЛИЛИСЬ

Костя Марков любил сетевые кафешки. Кофе в них становился все хуже, еда дошла до стадии — боже упаси еда, а официанты уходили куда-то вдаль — за пределы видимости клиента, — и все это недешево. Ему нравились здешние пустота и глубокие кресла. Без кофе, что ж — пусть без него. Если так никто и не подойдет — удача. Можно будет сэкономить.

Матерчатый рюкзак показался странно потяжелевшим. Константин выгрузил содержимое на столик. Старенький ноут, конспекты, учебник и здоровенный блокнот в черной шершавой обложке. К обложке прицеплена ручка с клипсой на колпачке. Клипса — странная: длиной с ручку, вероятно, чтобы точно не слететь. На ощупь не поймешь, металл или пластмасса. Снял колпачок с трудом. Вероятно, предполагалось, что писать этим инструментом будут редко и что-то важное. И это была не ручка. Карандаш не карандаш... Стилб? Толстый черный стержень сам ложился в руку — не скользил, приятно

тяжелый... почему-то Костя вспомнил дирижерскую палочку. Этим карандашом хотелось писать, но хотелось и просто взмахнуть, будто это могло что-то изменить.

Константин открыл блокнот. Попытался поставить подпись.

— Это же не ваша книга, зачем пачкать?

Высокий сильный голос прилагался к девушке, удивительно непривлекательной. Стройная, тонкая, бледная; все в ней — от покатога плеча до тонкой щиколотки — должно было сексить. Не работало. Наверное, глаза. Маленькие, светло-голубые, под широкими бровями. Смотрели чуть в сторону, будто справа от Кости сидел кто-то еще. И она пыталась смотреть сразу на обоих.

Карандаш коснулся бумаги и прорисовал подпись. Кажется, еще никогда две буквы — «К» и «М» — не смотрелись так. Константин Марков давно тренировал подпись, и вот результат. Карандаш или блокнот? Точно не Костя был виноват в этом графическом идеале.

— Не удержался,— девушка ляпнулась напротив, даже не пытаясь поправить не слегка задравшуюся юбку.— Подари книгу. Я тебе кофе оплачу. И вообще... Я бы и сама поела еще.

— Это блокнот.— Константин пытался пролистать плотные молочно-белые страницы. Не получалось. Станным образом они не заканчивались.

— Ты так можешь до Нового года листать. Почему я тебе не нравлюсь? Лицо?

— Да. Что-то не то с глазами...— Костя наконец оторвался от блокнота: — И с бровями.

— Никогда все не просчитать. Но ноги-то хороши?

— Ноги хороши.— Константин Марков сообразил, что впервые он смотрит на девичьи ноги по просьбе самой девы.— А не холодно босиком?

— Туфли. Сандалии, балетки, шлепанцы.— Девушка произносила каждое слово, словно пробуя на вкус: подойдет не подойдет...

— Ботинки, сапоги,— продолжил Костя. Кивнул на дверь: — Там лужи. И грязь.

— А книгу не отдашь? Я могу купить. Дорого. Хотя не хочу.— Девушка вывернула ногу и внимательно изучала ступню.— Меня зовут... допустим, Лиза. Подходит?

Ей не подошло бы любое из имен. Блокнот, которой она упорно называла книгой, отдавать не хотелось. Так не хочется прикоснуться к личинке. Почувствовать даже на мгновение.

— Лиза? Не подходит.— Костя очень хотел уйти, было бы кафе чуть полнее и шумнее, но вот так — один на один — встать и просто уйти было никак.

— Лады.— Лиза поднялась плавным движением выдвигающейся телескопической трубы, нагнулась над Костей, будто с этого ракурса можно было увидеть что-то большее.— Это даже хорошо. Не люблю покупать.— На миг ее маленькие глаза слились в один огромный, уже не бесцветный — теплый карий — не оторваться: — Коостяя,— протянула она низким бархатным, почти баритоном,— увидимся, зайка...

Костя моргнул — еще раз. Что-то мешало, будто рой мошек попал в глаз. Протер глаза — он сидел один, никаких босоногих девиц. Правда, и блокнот никуда не делся. И самая красивая подпись в жизни Константина Маркова — тоже ему не привиделась.

Остро захотелось домой. Что странно. Идти было недалеко. В двухкомнатной на Пестеля у Кости было единственное в своем роде место: место, где его не трогали,— кровать. Если только братья тоже уже спали. Не такая и большая семья — родители, бабушка и братья,— но ему просто не хватало лишнего

квадратного метра и пары часов. Поэтому кафе. Поэтому большой рюкзак, в котором все важное с собой. Только гитара дома, на шкафу у окна, — остальное за плечами на широких лямках.

На самом деле все объяснялось просто. Психолог не нужен. Константин очень часто ломал кости. Не из-за неловкости или сглаза. Остеопороз. Любое падение, любая драка заканчивались больницей. У него выработалась особая походка — осторожная: сначала попробуй, потом шагай. В любой компании Костя каким-то чудом находил место на отшибе подальше от всех. Предпочитал пройтись вместо поездки в среднезаполненном троллейбусе. А еще он был категорически против насилия. И тут помог бы разряд по бегу на средние дистанции. Только убежать Костя тоже умел плохо.

Сейчас захотелось к своим — вопреки себе: в туго набитое пространство квартиры, в которой не было ни одного свободного угла. Зато всегда тепло, зато по скрипу паркета ты точно знаешь, кто и где сделал шаг.

Центр города бывает разный. Шумный, спешащий сразу во все стороны, или сонный, и случайное такси едет, засыпая на ходу. Такими, как сейчас, Костя эти улочки не помнил. И уж точно не вечером. Все ушли. Пусто, будто кто-то съел все живое, а потом еще раз прошелся и вылизал остатки. Хоть бы машина проехала. Желательно с синей полоской на боку.

Костя успел испугаться. Не пустоте, а вот этому предчувствию — сейчас оно, страшное, случится. Предчувствию, которое никогда не обманывало и всегда являлось слишком поздно. Константин ускорился — ну так, чтобы никто-никто не подумал, что

он чего-то боится. Просто идет человек быстрым шагом. Торопится. Иногда оглядывается, так это не от страха — это просто знакомых надеется увидеть.

Кто-то, кого абсолютно точно не было на безлюдной улице, рванул его сзади за лямки рюкзака. Рюкзак был старенький, но нагрузку выдержал. А Костя нет. Тот, кто пытался сорвать с него рюкзак, сорвал Костю. Было бы нормально стукнуть ногой, попытаться избавиться от рюкзака и встретиться с противником лицом к лицу — да что угодно было бы нормальнее, чем Константин, барахтающийся, как котенок, схваченный за шкирку.

— Подожди.— Парень, вынырнувший откуда-то сбоку, как-то не успокоил. Было не очень понятно, чего именно должен подождать Костя. Сзади Константина Маркова все еще держали, но уже не пытались оторвать лямки. Костя еще раз дернулся — снова безнадежно, попытался крикнуть — горло пересохло, наружу вырвался то ли сип, то ли кашель.

— Прекращай,— неизвестный парень пытался продолжить диалог с той интонацией, что понимаешь — мало что зависит от тебя, уже все решили.

С логикой человека, никогда не битого, Костя гадал, что будет дальше. Дальше его вырубил правильным ударом снизу в челюсть. Хороший получился удар.

Тошнило. И совсем не хотелось вставать. Челюсть, скорее всего, сломали. Рот открывался как-то не до конца и наискосок.

Разумеется, лежал он в луже, но вот холодно, мокро, противно — а подняться все это не мотивировало. Вставать не хотелось, лежать было уютно.

Только выбора не было. Рюкзак надо вернуть. Как именно, Костя еще не знал. Шансов было немного. Ну, вдруг двое с хорошим захватом и поставленным

ударом захотят подраться между собой. Или просто решат, что вот этот рюкзак им вообще не нужен. Двое не спеша уходили по Моховой. Что это именно они, понять было легко. Его рюкзак на плече того, что повыше. Ну и, кроме них, никого. Пусто в городе. Чтобы смешаться с толпой, пришлось бы эту толпу где-то взять и быстро высадить здесь.

Костя с трудом себе представлял, кому мог бы понадобиться его рюкзак «старожил». Кошелек, что странно, не тронули. Правда, он тоже мало кому мог понадобиться.

Идти было странно. Будто улица только что отошла от перрона и, покачиваясь, набирала скорость. Удар был действительно хорош.

Двое не приближались. Косте очень захотелось, чтобы им стало так же плохо, как ему. И еще хуже. И еще немного. Чтоб сквозь землю провалились. Чтобы провалились сквозь этот чертов питерский асфальт.

Тот, который пониже, вдруг остановился, будто что-то ногой зацепил. Дернул, еще раз. Высокий, что с рюкзаком, решил во всем повторять товарища — тоже остановился. И тоже что-то странное ногами вытворял. Танцуют, что ли?

Костя сократил расстояние. Его заметили. Но как-то вскользь. Бояться его они, конечно, не боялись, но вот так, чтобы и внимания никакого?

Рюкзак легко поменял владельца. Будто давно ждал, когда же Костя уже дернет за ляжку. Костя отскочил... нормально было бы бежать подальше, чтобы через пять минут, отдышавшись в своем подъезде, просто забыть и о высоком, и о низком.

Константин Марков не убежал. Он удивился. Низкий был низким только по сравнению с высоким, а так — хорошие метр восемьдесят. Не теперь.

Два парня провалились в обычный асфальт уже почти по колено и продолжали погружаться во внезапно ставший зыбучим тротуар.

Высокий еще раз попытался вытащить ногу и упал навзничь, на свою беду попытался смягчить падение руками — теперь уже в асфальте были и руки, и часть спины... Он закричал.

Слишком быстро. Слишком быстро они тонули. Костя спрятал телефон — пока дозвонишься, пока объяснишь — некого будет спасать. Да и не поверит никто. Оглянулся — ни палок, ни веревок. Куртка? Толку — у одного руки в асфальте, — не зубами же ему цепляться, а второй, кажется, уже вообще не сообщает.

Они не кричали. Низкий тихо выл, высокий плакал. Никаких скупых мужских слез. И даже не утереться.

Только что была жизнь — плохая, хорошая — твоя. Просто свернул не в ту сторону, вышел из дому на пять минут позже — и прилетает. Что-то идет не так. Что-то пошло совсем странно у этих двоих, и жизни осталось мало. Чуть-чуть.

Константин Марков не ложился на опасный асфальт, чтобы, распластавшись, уменьшить давление, как в фильмах показывают. Просто дернул низкого за плечи, а тот к моменту рывка уже ушел в асфальт по пояс, только руки держал на весу, боясь прикоснуться к поверхности.

По всем расчетам: ну как по всем — по тем, которые предполагают, что асфальт может быть трясинной. Вот по этим расчетам Константин должен был или сам начать тонуть, или тянуть-тянуть, дожидаясь мышки, кошки и всех остальных свидетелей «Репки». И конечно, привычные трещины, если повезет, перелом, если как обычно. Вместо этого низкий вылетел из асфальта с готовностью самонаводящейся

пробки с реактивными двигателями. Кажется, момент приземления низкого на Костю, Кости на рюкзак совпал по времени со всхлипом высокого. Особенным. Ты ждешь следующего, а его нет, и ты не сразу понимаешь — тот был последним.

По отработанной годами схеме Костя вначале убедился, что он все еще цел, исключая челюсть. Кажется — обошлось. Или адреналин все загасил.

К моменту, когда он выбрался из-под спасенного, на месте, где тонули парни, лежал обычный асфальт: не новый, не старый — обычный, с трещинами и выбоинами, и никаких следов того, что он только что был страшным. Никаких следов, что только что в нем был человек.

Маленький кусок гладкой розовой пластмассы. Кажется. Костя с задержкой секунды в три сообразил, что это кончик носа. Не было у него опыта рассматривать носы в отдельности от голов.

Константин сделал самое глупое, что только можно было, — попытался пальцами вскрыть эту серую корку, из которой торчал нос. Он уже почти почувствовал, как ногти касаются асфальта, как пальцы бесполезно скользят. Случилось другое. Казалось, он прикоснулся не к застывшей смоле, а к толстому бархатистому ковру. Влажному, тяжелому, но готовому послушно уступить.

Асфальт тут был многослойный. Гравий, кирпичная крошка, земля — каша из разного.

Всхлип. Нос дернулся и вздохнул. Костя подумал, что вот так, наверное, работают археологи — выкопать и не сломать. Его это как-то мало сейчас волновало, но где-то далеко — в нормальном мире — люди справляются с асфальтом чем-нибудь типа отбойного молотка.

Чуть позже Константин обнаружил колени. С ними работать было проще. Чуть подкопал и дер-

нул на себя. На мгновение с трудом откопанный нос снова ушел под землю, чтобы тут же вынырнуть вместе со всем остальным телом. В прошлой жизни — той, что закончилась приблизительно в тот момент, когда асфальт стал жидким, Костя Марков мог уверенно выдернуть из земли... что-то точно маленькое и легкое, но не здорового мужика — железного кандидата на кличку Шпала.

Косте никто не помогал. Получивший первым свободу низкий предпочел испариться в неизвестном направлении. Высокий, еще до конца не пришедший в себя, пытался отползти в сторону железного заборчика, огораживающего кому-то дорогие кусты. Уцепился за металл и неожиданно проворно на четвереньках рванул. Отбежав метров на пятьдесят, оторвался от заборчика и уже совсем с дикой скоростью, все так же не разгибаясь, вылетел на соседнюю улицу.

Асфальт больше не внушал доверия. Доверия не внушали глаза, руки и мозг. Костя ждал — сейчас проснусь. Сон не заканчивался. Зато оказалось, он мерзнет. И руки очень хотелось отмыть. Еще хотелось очень сильно потрясти головой, чтобы все, что случилось, вылетело и испарилось, будто никогда и не происходило. В теории — надо бы в травмпункт, что-то у него точно — не сломалось, так треснуло, но до дома было уже рукой подать, Костя решил — сначала домой.

Парадное в доме Кости Маркова называлось так не потому, что по-питерски, — и потому никаких подъездов, а потому, что во двор вел «черный» ход, а этот был с улицы — огромные черные двери, мраморная лестница и пусть и затертый, но все еще проглядывающий мозаичный пол на площадках. И даже встроенный лет через шестьдесят после постройки

дома лифт не нарушал этого чувства — сейчас вернется отошедший на минутку швейцар и строго спросит: «А вы, собственно, к кому?» Мрамор на ступеньках будто выточила вода, тысячи шагов смяли камень ближе к вычурным перилам.

Лампочка моргнула — не погасла, но свет потускнел, будто дымка наполнила подъезд, кажется, что достаточно светло, но все время хочется протереть глаза... У перил на лестнице сидела она. Острые колени выше головы. Босиком.

— Я Лиза. Помнишь меня?

— Не мерзнешь, — не удивился Костя и попытался обойти девицу. Если она ему приснится, это точно будет кошмар.

— Что ты с ними сделал? — Лиза говорила, не замечая попытки Кости обойти ее, — смотрела вперед, где Маркова уже не было. — Неужели топил в асфальте? Откуда такие жуткие фантазии?

— Я не топил... — К своему удивлению, говорить у Кости получалось. Челюсть болела, но работала.

— Да ладно! Ты их проклял? Что подумал? Чтоб вы сдохли? Не то... Чтобы утонули, вряд ли... Чтоб вы провалились! Точно! — Барышня заржала. — Хотя не бросил. — Лиза, не поворачиваясь, выбросила руку, как стрелу автокрана, вцепилась в плечо уже обошедшего ее Кости и одним движением вернула его к положению «стой передо мной»: — Вот так. Стоим и слушаем. Никуда не идем. Убежать решил. — Лиза потянулась длиннющей рукой и, зацепившись за перила, встала. — Кстати, можно было не копать. Просто сказал бы или подумал что-нибудь типа «вывалились обратно»!

Барышня стояла с трудом. Опираясь на перила — то ли с ногой какая проблема, то ли от слабости.

— Последний шанс — отдаешь мне книгу — и я тебя оставляю в покое. Да, и со мной твои фокусы

не сработают. Можешь даже не напрягаться. Отдаешь?

— Нет.— Смысла упираться из-за блокнота, почему-то называемого книгой, не было никакого. Потерял бы — и не расстроился ни разу. Но вот не отдавал. До него очень медленно, но все же дошло, что его только что пытались ограбить из-за этой странной барышни. Что именно произошло с грабителем и почему — об этом он решил пока не думать. Самым неприятным было то, что если его грабили, то и жидкий асфальт ему не привиделся.

— Киллеров наймешь?

— Не, не работает,— с явным сожалением ответила Лиза.— Если бы все так просто, я бы и сама справилась. С кражей тоже не могло ничего получиться, но попробовать ведь стоило? Ладно.— Странное создание смотрело сквозь Костю, будто где-то за ним висел монитор с вариантами — а что дальше? Кажется, она выбрала: — Костя, дружок, время идет, а ничего не происходит. Я тебя вычеркиваю.

— Что? В смысле «вычеркиваешь»? Откуда?

— Отовсюду. Увидимся, Костя Марков. Если доживешь.

Лампочка снова моргнула, дымка куда-то испарилась, словно и не было. Не было и барышни Лизы с длинными сильными руками. Костя потрогал себя за плечо — кажется, всё на месте — и пошел к себе на второй этаж. 58 шагов от первой ступеньки крыльца до порога квартиры.

Глава вторая

СТАРАЯ ОБЩАГА

В доме у Марковых не было домофона. Уже давно все дворы перестали быть проходными, покрыв-